

«Когда речь идет о глобальной архитектуре нераспространения, должны учитываться приоритеты региональной безопасности»

1 марта 2016 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров предложил разработать в рамках Конференции по разоружению Конвенцию по борьбе с актами химического терроризма. Согласно российской инициативе, разработка новой конвенции должна сопровождаться исследовательскими мандатами по всем другим вопросам на повестке дня. Переход Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов с переговорного мандата на исследовательский мог бы снять возражения Пакистана и позволить разблокировать работу Конференции. В интервью для *Ядерного Контроля* директор Южно-азиатского института стратегической стабильности (Пакистан) **Мария Султан** обозначила свое отношение к российской инициативе и динамике ядерного сдерживания в Южной Азии.

– 1 марта 2016 г. Сергей Лавров предложил разработать в рамках Конференции по разоружению (КР) Конвенцию по борьбе с актами химического терроризма. В ходе дальнейшего обсуждения было предложено расширить мандат конвенции на бактериологическое оружие. Каков подход Пакистана к предложению России?

Пакистан поддерживает инициативу России, в том, что Конференция по разоружению является подходящим форумом для обсуждения многосторонних договоров и конвенций. Кроме того, угроза применения химического оружия негосударственными игроками сейчас очень актуальна. Причем, внимания заслуживает не только химическое оружие в виде горчичного газа и других составляющих. Стоит также обратить внимание на всевозможные химические вещества, применяемые в самодельных взрывных устройствах. Таким образом, хотя данная конвенция не захватывает СВУ, если расширить мандат химического терроризма, это станет важным вопросом для Пакистана, который занимает второе место в мире по количеству жертв от взрывов самодельных взрывных устройств. Тем не менее, что касается биотерроризма, мы считаем, доминирование Соединенных Штатов в области оборонных технологий, которые принципиально не могут быть отделены от наступательных технологий, является серой зоной. Возможно по этому вопросу потребуются дополнительная работа. Пакистан поддерживает КЗХО и принятие конвенции по борьбе с актами химического терроризма. Но мы считаем, что биотехнологии должны регулироваться с учетом тех благ, которые они предоставляют развивающемуся миру, который сталкивается с болезнями не только в форме эпидемий, но и в качестве оружия ведения войны. Необходимо увеличить обмен технологиями, прежде чем ограничивающие режимы могут быть введены в действие. И, во-вторых, для Пакистана важно, чтобы наша фармацевтическая промышленность и наши врачи могли продолжать участвовать в глобальной экономике.

– Если свести российское предложение только к химическому терроризму, на Ваш взгляд, Пакистан был бы готов согласиться на такую программу работы?

Если это касается только Конвенции по противодействию химическому терроризму и, если это будет единственной программой работы на год, тогда да, возможно. Но мы считаем, что и другие ключевые вопросы также важны, такие как ядерное разоружение, предотвращение гонки вооружений в космосе, негативные гарантии безопасности, и содержание договора о запрещении расщепляющихся материалов (ДЗПРМ). Потому что определение его как ДЗПРМ, в нашем понимании, представляет собой весьма ограничивающий фактор. Например, в результате Индийско-американской ядерной сделки, Соединенные Штаты заявили, что это будет гарантировать Индии доступ к 1,5 тоннам стратегического запаса топлива, из которого, по некоторым оценкам, можно произвести почти 400 ядерных боеголовок в год. Следовательно, мы считаем, что Пакистану необходимо уделить равное внимание всем этим вопросам, и особенно с учетом системы ПРО, так как Индия стала пятой страной в мире, которая испытала систему противоракетной обороны. Для Пакистана это является фактором, который стратегически ограничивает наши возможности. В то время как на данный момент это рассматривается, главным образом, в региональном контексте, фактом является то, что Соединенные Штаты поставляют в Индию не только ядерные технологии, но и ракетные и другие передовые технологии. Для того, чтобы получить представление о степени сотрудничества между ними, посмотрите на уровень передачи технологий. Только 0,02% чувствительных технологий из Соединенных Штатов ограничены для передачи Индии, в то время как, в отношении Пакистана, ограничение составляет около 98%. И многие страны, которые подписали различные режимы контроля технологий сталкиваются с подобными ограничениями. Индия является новым партнером США, и миру приходится иметь дело с проблемами, которые Соединенные Штаты продолжают создавать. Мы считаем, что необходимо переосмыслить этот вопрос. Таким образом, если Конвенция по борьбе с актами химического терроризма будет представлять собой отдельную программу действий, ответ – да. Но если это будет связано с другими вопросами повестки дня, тогда Пакистану необходимо будет уделить равное внимание остальным аспектам до того, как снять блокировку КР по данному вопросу.

– Соединенные Штаты ранее выступили с другим предложением о включении запасов в текущие переговоры о ДЗПРМ, что вы думаете об этом?

Я думаю, что вопрос для Пакистана уже не сводится к включению или не включению запасов делящихся материалов. Фактом является то, что Соединенные Штаты также гарантируют постоянную доступность 1,5 тонн стратегического резерва топлива для Индии. Так что, если договор предполагает ограничение производства расщепляющихся материалов, там должна быть прописана некая глобальная структура нераспространения ядерного оружия, которая будет реагировать на потребности в области глобального нераспространения. Ничего подобного мы не видим. Соединенные Штаты хотят, чтобы Индия не только стала государством-реципиентом технологий в ГЯП, но и государством-поставщиком. Если Дели хочет стать государством-членом ГЯП и РКРТ, а также Комитета Цангера и Вассенаарских договоренностей, главным вопросом будет, что будут делать все те страны, отдавшие в свое время часть своей автономии, чтобы туда попасть? И, в конце

концов, это вопрос не только о нераспространении. Это вопрос также о нескольких миллиардах долларов торгового оборота. Возможно, Соединенные Штаты хотят, чтобы Индия стала международным производственным цехом, а индийские дешевые человеческие ресурсы, умноженные на высокотехнологичные американские технологии, стали бы преобладать на мировом рынке оборонной промышленности. А чтобы попасть на этот рынок таким странам, как Пакистан или Китай, а в некоторых случаях и Россия, приходится выдерживать тяжелую борьбу. Нельзя просто изменить архитектуру глобального режима нераспространения ядерного оружия только потому, что вы хотите создать новый мировой порядок, основанный на архитектуре безопасности, которую остальной мир не понимает. Мы считаем, что предоставление Индии доступа к космическим и ракетным технологиям без всяких условий (при том, что относительно других государств действуют различные ограничения) при отсутствии юридически обязывающей структуры, обеспечивающей нераспространения ядерного оружия является вопросом, который Пакистану необходимо рассмотреть. Мы считаем, что приоритеты региональной безопасности должны учитываться, когда речь идет о глобальной архитектуре нераспространения.

– Пакистан в настоящее время является наблюдателем в ОДВЗЯИ. С чем это связано? Существуют ли планы по подписанию договора?

Пакистан верит в то, что государства, обладающие ядерным оружием, должны вести себя ответственно. Мы считаем, что международная архитектура действительно обеспечивала определенные гарантии существующему режиму нераспространения. Но мы также считаем, что очень долго ситуация в области региональной безопасности остается в подвешенном состоянии. У Пакистана есть серьезные вопросы относительно изменения индийской военной доктрины, которая прошла путь от оборонительной доктрины к активной стратегии. Сейчас борьба с терроризмом в Индии увязана в доктрине с возможностью ведения ограниченной войны против Пакистана без применения ядерного оружия, по мнению Дели, подобный конфликт может быть управляемым. Это, в свою очередь, оказывает давление на Исламабад и ставит нас перед выбором: неограниченная гонка вооружений с Индией, или доктринальные изменение и тактическое реагирование, которое может быть дополнено развитием ядерных зарядов малой мощности. Возвращаясь к вопросу, для Пакистана ДВЗЯИ остается договором о разоружении, но договором, источником которого является Генеральная Ассамблея ООН. Поскольку Индия заблокировала ДВЗЯИ на КР, резолюция была направлена в Генассамблею ООН. Таким образом, во-первых, нет никакой гарантии, что, если Пакистан подпишет ДВЗЯИ, Индия последует его примеру. Во-вторых, ДВЗЯИ может быть отправлен обратно в Генеральную Ассамблею ООН, где Пакистан примет на себя все давление, а договор в итоге вступит в силу, даже без ратификации остальными государствами, перечисленными в Приложении 2. Так что, что для Пакистана, ключевым вопросом является добавленная стоимость ДВЗЯИ. Да, мы ценим научную ценность договора, то как он расширяет сотрудничество, сейсмические центры, национальные центры по борьбе с бедствиями. Но мы считаем, что для успеха любой глобальной инициативы в сфере нераспространения или разоружения страны региона должны иметь партнерские отношения. Прямо сейчас, учитывая тот факт, что Соединенные Штаты больше не являются

честным посредником в обеспечении региональной безопасности, и становятся все более близким партнером Индии, Пакистан хотел бы сохранить за собой все возможности, а не брать на себя повышенные обязательства, которые потом не сможет реализовать. Нам не хотелось бы заключать соглашение, из которого нам пришлось бы впоследствии выйти из-за внутреннего и регионального давления.

– Но в краткосрочной или среднесрочной перспективе возможность возобновления ядерных испытаний исключена. Не так ли?

В настоящее время да. Но все будет зависеть от объема технологий, который получает Индия. Также это зависит от того факта, что, например, Индия испытала баллистическую ракету К-4, которая дает ей возможность запуска ракет с подводных лодок. Испытания К-4 и размещение ядерного оружия в Индийском океане оказывают на нас давление. Во-вторых, растет давление из-за усиления ИГ и нестабильности на Ближнем Востоке, а также из-за присутствия США и НАТО в Индийском океане. Мы не уверены в том, как будет строиться архитектура безопасности в океане. Да, нам бы не хотелось проводить дальнейшие испытания, но в то же время мы бы не хотели брать на себя обязательства по договору о нераспространении, которые потом придется пересмотреть, поскольку ситуация с безопасностью в Южной Азии очень изменчива и до сих пор не отрегулирована. Одно можно сказать наверняка: мы являемся свидетелями установления нового порядка, в котором Индия является военным партнером Соединенных Штатов, а также партнером США в океане. Более важным является вопрос, насколько совместимы будут их силы и как они будут взаимодействовать. Но это будет зависеть от скорости передачи технологий, скорости освоения Индией технологий США и замены прежней советской технологии. Но, исходя из количества соглашений о военном сотрудничестве, а также совместных проектов между Индией и Соединенными Штатами, мы считаем, что это только вопрос времени. В соответствии с совместным заявлением Индии и США от июля 2015 года, согласно одному из дополнительных соглашений, Индия должна стать страной свободного импорта технологий, даже в сфере ИКТ к 2020 году. То есть через четыре года. Уровень и скорость передачи военных технологий и тот факт, что всего 0,02% американских технологий закрыто для Индии, означает, по сути дела, наличие совместной политики в области обороны. Так что мы сохраним за собой все возможности. Это не означает, что мы хотим противостоять Соединенным Штатам или Индии, но в то же время мы не хотим быть втянуты в войну или оказаться жертвой превентивных ударов со стороны Индии или США.

– С этим связано наращивание Пакистаном ядерного арсенала?

Главное не то, что Пакистан увеличивает число боеголовок. А то, что происходят изменения в нашей концепции оборонной политики. В конце концов, базовые военные факторы никто не отменял, и с географической точки зрения, Индия по-прежнему находится в досягаемости наших сил. Конечно, исходя из того, насколько эффективна будет система ПРО, которой будет обладать Индия, нужно будет учитывать ее сдерживающее влияние. Пакистану важно обозначить, что систему ПРО Индии следует рассматривать в качестве дестабилизирующего регионального фактора, потому что система защиты от

тактических ядерных ракет, в случае Пакистана будет равноценна стратегической системе ПРО. Таким образом, мы видим связь между скоростью трансфера технологий, переориентацией доктрины «Холодного старта», на то, что они называют проактивной стратегией, и тем, что они используют оборонительные технологии для нанесения упреждающих ударов. Но все это напрямую связано с тем, как быстро будет развиваться ракетная программа Индии и ее система ПРО. Как мы видим, к сожалению, программа Индии развивается очень быстро. Страна, которая была на одном уровне с нашей, за последние четыре года запустила космическую миссию и резко наращивает темп передачи технологий и их количество. Эти факторы нельзя игнорировать. Пакистан не планирует неограниченного наращивания ядерного потенциала. Мы нацелены на качественное и количественное преобразование на основе нашей военной доктрины и, исходя из формирующейся архитектуры безопасности. Это означает переосмысление своей позиции и пересмотр доктрины, а не простое увеличение количества оружия.

– В каком направлении стоит ожидать изменений в доктрине?

Пакистан делает ставку на полный спектр ответных действий. Это в основном означает, что для нас важно, чтобы инициатива оставалась за пакистанскими военными, для чего мы будем использовать все необходимые технологии. Это может означать постановку на вооружение маломощных ядерных боеголовок или тактических ядерных боеголовок в дальнейшем, развитие возможностей морского базирования и укрепление системы радиоэлектронной борьбы, наращивание кибер-возможностей, или применение других асимметричных ответов. Но одно можно сказать точно: мы будем стремиться к тому, чтобы инициатива сохранялась за нашими военными на всех уровнях конфликта. Мы не стремимся к новой гонке вооружений в регионе, но мы хотим обратить внимание международного сообщества на то, что Индийский океан стал ядерной зоной, а Соединенные Штаты продолжают создавать нестабильность в регионе, в котором и так уже наблюдается ядерная напряженность.

– Решением этой проблемы могли бы стать переговоры между Индией и Пакистаном по вопросам разоружения и контроля над вооружениями. Что вы думаете на этот счет?

Мы считаем, что рано или поздно для обеих стран будет необходимо прийти к соглашению по контролю над вооружениями. Единственная проблема заключается в том, что сегодня ядерное сдерживание Индии и Пакистана реализуется через посредничество США, которые подключаются каждый раз, когда случается кризис. Но теперь, когда США становятся партнером Индии, картина становится менее понятной. Одно мы знаем точно: мы не допустим нарушения территориальной целостности Пакистана. Ни одна война в Южной Азии не может остаться ограниченной. Любая война в Южной Азии в итоге перерастет в ядерную. А раз ставки так высоки, то может быть, ключевым игрокам стоит еще раз осмыслить, что развитие определенных технологий нельзя отыграть назад. И лучше разработать механизмы сотрудничества по обеспечению безопасности и заключить соглашение по контролю над вооружениями. Для индийцев важно, чтобы и Китай участвовал в этом процессе, на наш взгляд в этом нет необходимости так как, соглашение по

контролю над вооружениями между Пакистаном и Индией не будет касаться ракет дальнего радиуса действия. Договоренности по контролю над вооружениями могут базироваться на уже существующих договоренностях о системах экстренной связи между Индией и Пакистаном. Такие механизмы необходимы, потому что нельзя рисковать будущим 1,2 миллиарда людей, из-за того, что Индия хочет соперничать на глобальном уровне, но не готова брать на себя глобальную ответственность. Это невозможно. Если Индия хочет соперничать на глобальном уровне, то ей придется взять на себя глобальную ответственность – не только за свою безопасность, но и за мир и стабильность в регионе.